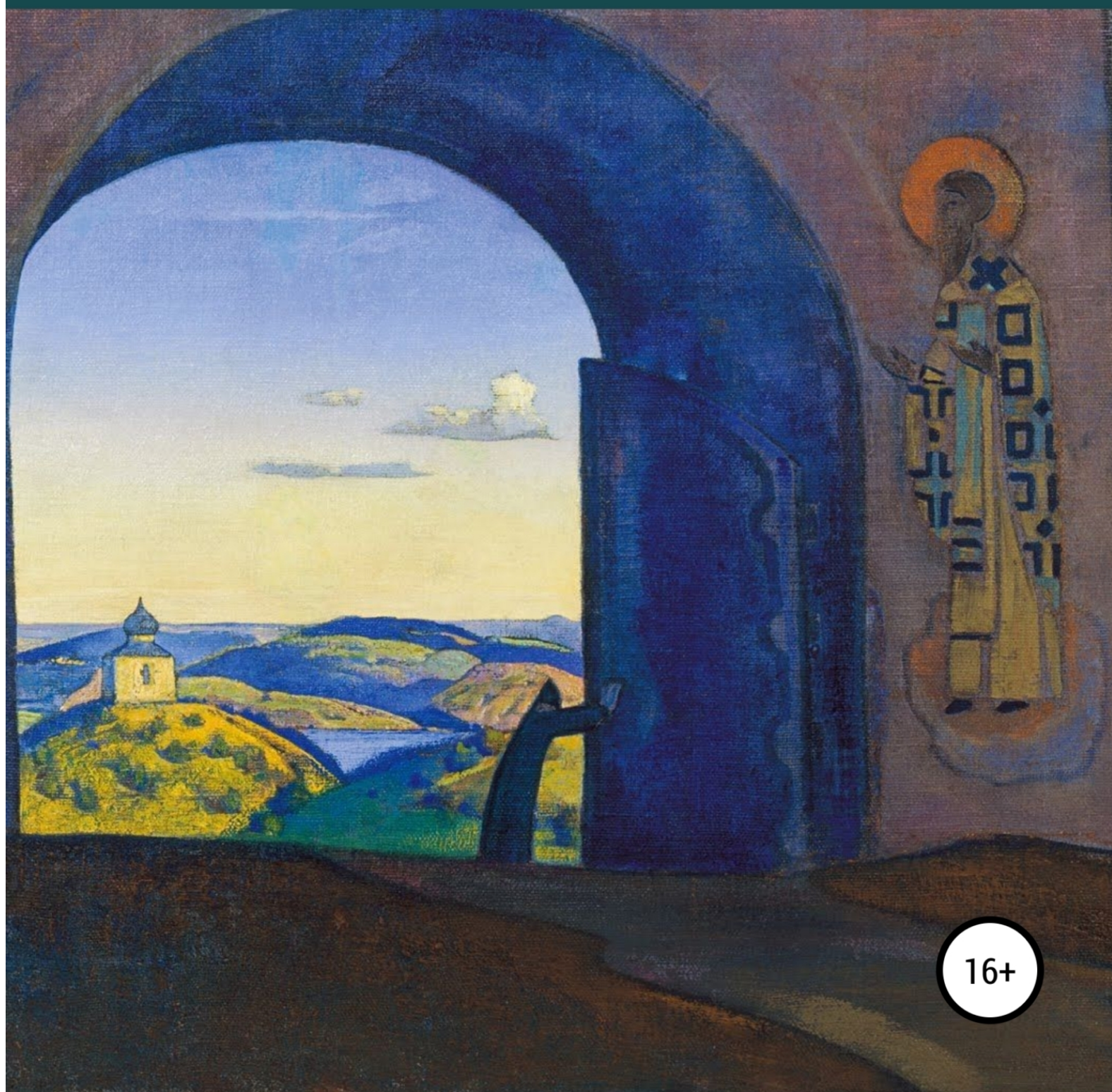

Ольга Озерцова

Свеча на ветру

16+

Третий Китеж

Ольга Озерцова

**Свеча на ветру. Повесть об
убиении и хождении в рай**

«Автор»

2022

Озерцова О.

Свеча на ветру. Повесть об убиении и хождении в рай /
О. Озерцова — «Автор», 2022 — (Третий Китеж)

Повесть об убиении и хождении в рай. Древнерусский детектив. В 1165 году смерть князьего вирника многим кажется связанной с давним убийством боярина Кучки, последнего владельца Кучкова (впоследствии Москвы). Героям романа предстоит не только расследовать убийства, но и раскрыть тайну зарождения легенд XII века о граде Китеже и Граале. Эта история и о любовных похождениях, и о пути к Ярилиной веси, описанной в романе Веснянка. Цепь событий и преступлений XII века тянется и в наши дни: находка берестяной грамоты, предания о городе Третий Китеж и о кладе Кучковичей, спрятанном там после смерти Андрея Боголюбского, пророчество XII в. о будущем России, которое может многое объяснить в современности... Ольга Озерцова — кандидат филологических наук, автор публикаций по древнерусской литературе, также романов («Талисман Шлимана», «Веснянка» и др.)

© Озерцова О., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Предислови	5
Глава 1.	7
Глава 2. Третий Китеж	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ольга Озерцова

Свеча на ветру. Повесть об убиении и хождении в рай

Предислови

е

XII век – время возникновения легенд, которые будут волновать людей и в XXI веке: Святой Грааль, рыцари короля Артура, град Китеж. Создаются великие произведения искусства, жизнь людей наполнена бурными событиями. Древнерусские белокаменные храмы и готические соборы, «Слово о полку Игореве», «Слово Даниила Заточника», трубадуры, рыцарские романы. Русь еще до татаро-монгольского нашествия и Европа до альбигойских войн и инквизиции. Вдохновенное творчество, страсть и преступления – убийство Томаса Бекета, убийство Андрея Боголюбского

В XII веке можно увидеть и, по словам летописца, «вещи сей начало», начало того, что произойдет в XXI веке...

«Свеча на ветру. Повесть об убиении и хождении в рай» – роман, действие которого происходит в Древней Руси в XII веке и в XXI веке. В Древней Руси это время возведения церкви Покрова на Нерли, Андрея Боголюбского, Улиты Кучковны, Даниила Заточника, в легендах – поисков Бел-горюч камня, русского варианта Грааля, построения града Китежа и т.д. Этот период предшествует убийству Андрея Боголюбского (1174 г.) и созданию «Слова о полку Игореве» (после 1185 г.) Особую загадочность истории придает уникальное археологическое открытие 2015 года: на стене собора в Переславле-Залесском обнаружено граффити XII в. с проклятием убийц Андрея Боголюбского.

Роман основан на реальных исторических фактах. Об одном из героев романа, авторе «Слова Даниила Заточника» (XII—XIII вв.), произведения почти столь же яркого, как «Слово о полку Игореве», сведений почти не сохранилось. В летописании XIV века упоминается лишь место, где он был заточен. По гипотезе Воронина Н.Н. Даниил Заточник долгое время жил во Владимире и Боголюбове.

В романе упоминается любовная история пятнадцатилетнего княжича Игоря и Евфросиньи Ярославны, героев «Слова о полку Игореве», основанная на летописных сведениях. В их семьях происходили жуткие события. Настаську, любовницу отца Ярославны князя Ярослава Осмомысла, сожгли как ведьму. Возможно, к этому причастна мать Ярославны Ольга Юрьевна, сестра Андрея

Боголюбского.

Таинственное убийство боярина Кучки, владевшего Москвой (Кучковым) до Юрия Долгорукова, отражено в Повестях XVII века и в отчествах убийц Андрея Боголюбского в летописании XII века.

Основание града Китежа связывается с внуком Юрия Долгорукова, но сыном не Всеволода, а Андрея, что вероятно, так как легенда относит возникновение Китежа к 60-м годам XII века, ко времени жизни Андрея Боголюбского, и запись «Сказания» существует лишь в поздних списках.

О князе Андрее Боголюбском известно больше, чем о Данииле Заточнике и боярине Кучке, хотя и в его жизни много таинственного и противоречивого. А убийство Андрея Боголюбского – одно из самых загадочных преступлений XII века. По странному историческому

совпадению в день его памяти (17 июля) был убит Николай II (что также нашло отражение в романе).

О князе Андрее Боголюбском (1110–1174 гг.) рассказывается в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» (там же упоминается меч князя Бориса) в летописании (XII в.), в повестях XVII века и в недавно открытой надписи XII века с проклятием и перечислением его убийц.

«Чтобы свеча не угасла ¹ »

Духовная грамота XIV в

«Месяца июня 29 убиен бысть князь Андрей своими паробкы, овому вечная память, а сим вечная мука»

Надпись XII в на соборе в Переславле – Залесском, открытая в 2015 году

« Были тут по Москве-реке села красные, хорошы боярина Кучка... И ту Кучко боярин ... злую смерть прият...»

Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы, XVII в.

«И сей град Большой Китеж невидим стал...»

«Китежский летописец», XVIII в

« Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?»

Поль Гоген, XIX в.

¹ Из духовной грамоты (1353 г.) князя Симеона Гордого, написанной перед смертью во время великой чумы XIV в..

Глава 1.

Разноцветный рай

Ему снились леса, полные соловьев. Они звенели над реками, ивы клонили к воде свои густые, пахучие ветви. Родники били по песчаным откосам... И вдруг сквозь всю землю, охваченную этим теплым звоном, проступили слова.

Он проснулся и уже не мог их вспомнить. Встал, поднялся на холм. Была тишина, та, что между тьмою и светом. Вдали голубело. И слова родились в нем внезапно.

Будь, язык мой,
тростью книжника скорописца
и уветливы уста,
как речная быстрость.
И спою боль сердца моего,
И разобью, как древние младенцев о камень.
Встань,
Слово мое,
Над лугом, над лесом
все выше и выше².

Так начинается этот текст, найденный нами в музее городка Градонеж. Мы думаем, автором его был местный краевед, погибший во время гражданской войны в 20-е годы XX века. В предисловии он еще пишет, что в своем историческом романе использует найденные им «древние письма на коре».

Знаешь, дядя Этьен, я не зря приехал в этот край извилистых рек и тихих озер, думаю именно здесь в Градонеже, мы найдем то, что так волнует тебя и многих других – тайну возникновения великих загадочных легенд XII века. Тут возможны необычные открытия, будто это и есть Третий Китеж, говорит мой друг археолог. Ведь и Грааль, в местном варианте Белгорюч камень, и град Китеж упоминаются в рукописи, как и путешественники XII века Гийом и Кийот/странное совпадение с нашим семейным преданием. И то, о чем я тебе писал раньше – клад Кучковичей, легенды о черном ветре и проклятии Рюриковичей, темные тайны древних убийств – в рукописи все связано, что началось в этой земле с Кучкова.

Кто убил боярина, когда Кучково назвали Москвой? Кто потом убил князя? Ты представляешь, эта история, случившаяся 900 лет назад, продолжается и в наши дни. В 2015 году на соборе XII века неожиданно найдено граффити с проклятием убийц Андрея Боголюбского.

Нам кажется, что все это как-то связано с современными событиями.

Прости, дядя, что пишу так сумбурно. Боюсь, у нас будут сложности с финансированием. Кстати, ты ведь говорил, что если мы что-нибудь найдем, то ты готов нам помочь. Ты как-то упомянул, что если проект будет результативным, то ты мог бы заинтересоваться. Было бы жаль, если экспедиция и исследования прекратятся

Жду ответа, Жан
Cher Jean,

Перевел тебе часть денег, которые может быть вложу в вашу экспедицию. Хоть ты тут и нафантазировал, но продолжать стоит. То, на что ты просишь деньги, по крайней мере, мне интересно. Надеюсь, что-нибудь получится. Перешли еще текст рукописи, он мне понравился. Кажется, я помню русский, которому меня учила мама.

Большое спасибо!

² Использованы образы и стиль памятников XII–XIII вв. «Слова Даниила Заточника» и «Слова о погибели Русской земли».

Пересылаю продолжение рукописи с моими комментариями. Не все сразу, интернет плохо ловит.

Древняя Русь. XI век. на холме под Владимиром стоит книжник Даниил Заточник. Его слова

Лети, моя песня.
Выйду я рано,
Рожденная болью,
Зажженная солнцем,
Гонимая ветром,
Лети, моя песня, над лугами зелеными,
Городами дивными, селами веселыми, озерами тихими
Рожденная светом,
Гонимая горем,
Гонимая ветром,
Гори, моя песня,
Как свечка над тьмою.

На опушку леса вышел высокий старик в рясе и остановился, вслушиваясь. Голос человека, стоявшего на холме, звучал громче и громче, и он взволновал старика. Ему вдруг подумалось:

А если бы вправду песня стала живой и взлетела, как сокол в поднебесье. Сверху ведь все видно: тут, внизу, на земле, кругом...

Боль человеческая была такая, что ее не измерить ни верстами, ни пудами. Слов нет в языке, чтобы ее назвать.

И еще была ненависть.

Ненависть разрасталась по земле и оттого становилось тяжело дышать. Но и потому все было просто.

И все те, которых оскорбляли и увечили, передавали свою ненависть детям, и дети в своей судьбе несли ее.

Перед продолжением романа перешлю еще. сначала странный текст на отдельном листе, он лежал, или скорее валялся среди бумаг рядом. Происхождением этого загадочного отрывка мы займемся позже, сочинил ли его автор рукописи или переписал с найденного им древнего источника, пока не знаю.

И случилось это в год 6673 от сотворения мира, и 1165 от рождества Христова.

И хочу написать я о том, ибо видел я явления странные ужасные и дивления достойные, ведь о том, что створилось, вряд ли кто-нибудь еще расскажет. Боятся люди, ведь сказано: откроется то давнее убийство, и найдете знаки.

Много неправд было, но я хочу, поведать, как светло светлая и дивно украшенная земля наша погибает.

Были убийства и были проклятья.

И искали, кто убийство то злое створил, и где начало той беде?

С чего пошел гулять по земле черный ветер?

Я поднимался в гору – смеялся, я спускался с горы – смеялся, я пошел по дороге равнинной – и заплакал, ибо многое понял.

И я пишу нескладно и просто, и кто прочтет, пусть скажет, не было лжи в сердцах их, и спрятали они свое диво. И если придут времена горькие, князья бесчестные, правда улетит на небо, ложь меж людей ходить станет, пойдешь в города сокровенные, тайные, что основал

Изяслав, и услышь слова и легенды. Дерево с тоской к земле клонится, ветер о том в ветвях поет,

И блуждали люди в поисках то ли рая разноцветного, то ли счастливой Ярилиной веси, то ли правды. Может это по пророчеству всех нас и спасет.

И снова рукопись:

«Старик долго стоял, потом свернул в лес. Оступаясь в талый снег, он шел по узкой тропе вдоль берега ручья. Кое-где уже появились проталины. У одной из них тропинка кончилась, тут был родник. Около него росла ранняя трава и лежало большое бревно. Старик сел на него, достал из узелка чашу с затейливо изукрашенными краями и засмотрелся на крутившуюся над песчаным дном воду.

– Благослови, отче, после дальней дороги.

На проталинку, с трудом пробираясь сквозь чашу, выехал всадник. Старик поднял голову, и лицо его прояснело.

– Добро или лихо привез ты нам, сын мой?

– С доброй я вестью, отче Лука. А ты, здрав ли?

– С божьей помощью.

– Скажи мне, что за человека видел я по пути к тебе? Стоял он на холме и то ли ворожил, то ли молился, да так мудрено и складно.

– Да то ж Даниил Заточник, муж мудрый и книжный. Разве ты его не помнишь, Гостята? Давно уж ты в пути, с тех пор как ты уехал по своим купеческим делам у нас лихое в городе створилось.

– Неужто болгары? Сейчас в лето 6673(1165) Здесь, в Залесье, во Владимире?

– Нет, от них князь вернулся с великой победой и честью, но княжич Изяслав погиб. И ко мне тогда пришло горе. Вышел я как-то из леса и вижу: бежит девица, не разбирая дороги, будто слепая. И вдруг упала, а встать не может. Я ее отнес в скит, но до сих пор не ведаю, будет ли здорова. Сколько, сын мой, в ней боли, сколько туги³.

– Горе-то у нас будто за каждой сосной стережет. Не Любаве ли ты помог, отче? Сказывали, Изяслав ее любил. Убили его. Что же это? Смятение в душе моей, отче. Хочу твоих речей услышать. Ехал я, а по пути... страшно не в бою, а видеть, как города горят, жены плачут, как без правды живем. А здесь Изяслава убили. Как же так, отче?

– Что я тебе скажу, сын мой. Сам я человек грешный. Только ведаю, коли встает зло в мире, страх и трепет в человеческом сердце, помни: зло порождает зло, но любовь порождает любовь. А любовь совершенная изгоняет страх. Так писано в древних книгах.

– Спасибо, отче. Твоя мудрость, как песня. Она дарит радость. Но хочу еще спросить у тебя, не знаешь ли ты вирника Завида, у которого шрам на левой щеке. Мне нужно найти его. О нем говорил перед смертью человек, который спас мне жизнь. Слова его были лихорадочны, не все я понял. Про давнее зло и преступление, про некоего отрока и еще про Завида.

– Здесь проезжал недавно всадник со шрамом на щеке, не тот ли это Завид? Вон туда, в село у дороги, за лесом.

– Спасибо. отче. Может и он, поскочу узнать,

И купец Гостята поспешил к селу. Встреча со стариком пустынноиком обрадовала его. То был хороший знак, и может быть удастся ему исполнить просьбу умирающего, спасшего его.

Много путей было у Гостяты в жизни, и он давно узнал, есть тайные знания и тайные клады, они опасны. Но если передать их другому, может быть станет легче, и то давнее убийство не будет никого мучить, растает, как снег весной. Дорога здесь вблизи города Владимира была узкой, но утоптанной. Конь скакал быстро и весело. Вокруг росли высокие ели, Гостята

³ Туга – тоска, горе. В современном языке остался глагол тужить.

смотрел, как от ветра качаются их ветки. И напевный строй мысли, который пришел к нему от песни Даниила, от слов старика снова охватил его.

Вдруг он резко остановился и вгляделся. Сбоку от дороги под елью неподвижно лежал человек, он был мертв, в груди его торчала стрела, а на левой щеке был шрам.

Старик, когда Гостята ускакал, снова наклонился над родником, тихо и бережно опустив чашу в воду, зашептал:

Студеная речка оmyвает зеленые берега, покрывает их серебряной росой. Говорлива и уветлива речная быстрость, сквозь леса пробираются к ней ручьи и притоки, и источники местнoчтимые.

Не взмути ключевой воды,

И она спасет и избавит

И в день зноя напоит тебя.

О вода, ты вода, ключевая вода!

Как смываешь ты, вода, крутые берега, так смой кручинушку с ретивого сердца,

Унеси тоску за сине море

Остуди боль горячую,

Напой всех жаждущих

В лесах, в городах, на полях чужих.

Ты чистей чистого,

Яснее ясного,

Все тайны тебе ведомы,

Пути тебе знаемы.

Говорлива и стремительная речная быстрость.

Русь покрыта родниками... В темных диких лесах, на зеленеющих полях, на берегах глубоких рек пробивается холодная струя. В знойный день от жажды умирающий путник, девица, уmyвающая для красы лицо свое, воин, изнемогающий от ран, певец, все зачерпнут святой воды.

Ибо прорвавшись сквозь твердь земную, она пришла к нам, как чудо.

Медленно, словно боясь спугнуть что-то, старик поднял чашу, встал, и держа ее в руках, пошел вглубь леса. По узкой тропе, протоптанной между сосен, он вышел на большую поляну. Тут росла раскидистая липа, под ней стояла изба, окруженная кустами. Их темные ветки с набухающими почками были столь густы, что летом, когда листья распускаются, все скрывалось в зелени. Чуть поодаль стоял деревянный крест. Старик подошел к двери избы и прислушался. Внутри было тихо. Тогда он поставил чашу на порог, сел рядом и задумался.

Хвойный, могучий лес шумел плавно и завораживающе. Он, казалось, изгонял из души ту тревогу, которую подобно неистребимому запаху пожара или отзвуку дальнего плача привез с собой из дороги купец. Ветви деревьев раскачивались, заговаривая тоску, и старик вспомнил, как давно, вот так же шумели ветви.

И он ушел в скит... Тогда покой вернулся к нему. Зеленое поле и темные ели вдали.

И только по ночам еще снились пожар, кровь. А потом вдруг приснилось зеленое поле и ели, зеленое поле и ели... И понял старик, что лучшее – мир душе твоей...

Люди шли к нему, думая, что он знал мудрость – он же нашел только покой. Но они шли, шли к нему и старик обрел что-то, что их утешало. Но вот этой девушке он не смог помочь. Ибо она не хотела покоя.

Ему послышался слабый стон. Он быстро поднялся и вошел в избу.

Под потолком висели сухие травы, перевязанные в пучки. Старик выбрал нужные ему, кинул в чашу и поставил ее на огонь. Жарким, медовым запахом потянуло в избе. Грешным, вражьим делом занялся дед. Ворожит он. Колдовскую траву кинул в кипящую родниковую

воду. Давно было то время, когда волхв научил его. Шел Лука к волхву с божьим глаголом, но другая была у колдуна истина, не понял он, а Луку полюбил и научил тому зелью. И все же знает старик, что не грешно то дело, которое лечит человеческое сердце. Нет святее его на свете, надо его успокоить. Вот возьмет старик чашу, опоит ее пахучими травами и забудется ей все, забудется. Медовые, колдовские пары мешались с запахом соломы и солнца, падавшего из окна. Девушка, лежавшая на скамье, открыла глаза. Взгляд ее был тревожным, длинная коса спуталась, губы побелели.

– Дедушка.

– Ну что, милая?

– Лихо мне, зябко.

– На, дитятко, выпей травку, выпей, моя ладушка.

– Зачем мне она?

– Сонная это травка.

Светлым, теплым туманом заволоклась изба. Дед знает толк в травах.

И снится ей, будто идет она лугом, и трава такая мягкая и росная по ногам, туман предутренний, тонкий и свежий. Выходит она на высокий холм и хочет разглядеть сквозь дымку, что за ним. А туман мягкий, нежный, но все покрывает, все заволакивает... А ей до страсти надо знать, что там внизу и вдали. А туман все скрывает. Она просит... хоть бы солнышко поскорее выглянуло. И вот оно падает жарким лучом на нее, вниз, на зеленую траву под ногами. И будто голос стариков. «Не надо, не проси». А туман впереди и от солнца все гуще... И будто кто-то хватается за руку и силится удержать, и снова кричит – «не ходи», а она от солнца, от травы бежит в туман. И вместо утра темно, и крики, и скрежет зубовой. И под ногами огромная ночь... И огни... И чьи-то тени. И все мечется, зовет, и нет конца их страданиям.

Когда Гостята выехал из леса, многое вокруг переменялось. И то, что случилось на лесной дороге, показалось ему уже другим. Он остановился. Там ели задевали его, осыпали снегом, а здесь... Он смотрел на поле.

В земле поднималась и ширилась ее сила. И люди своим бессильным разумом пытались ее понять. Везде среди снега появлялись на земле коричневые проталины с первой травой. И от их раздражающего запаха, от солнца все оживало в сердцах беспокойно и ярко: и жажда счастья, и прошлая боль, давнее зло и добро, все, что, казалось забытым, поднималось в душах, как трава после снега. Весенняя сила земли тревожила, она приходила ко всем.

Земля была добра. Они напоили ее кровью. Земля была щедра...

И с той внезапностью, с которой рвались на земле неокрепшие узы человеческого счастья, нежности, жизни – с той же силой возвращала она эту извечную жажду.

Всадник вдохнул весенний воздух.

Пути ему ведомы, чащобы знаемы, и в степи половецкой телеги скрипят, как лебеди вспугнутые, неверная стрела нечистая в сердце летит. Человек в бою шепчет заговоры, а сейчас он не молится. Смотрит благодарно на родное небо... прояснело над полем необозримо.

Странна и свежа эта синяя нежность над снегами, среди серых облаков. Бог ли христианский, весна ли чаровница, стрибोगи ли ветры приоткрывают небо. Слышится колокольный звон и он знает, не сожгли город, пока он странствовал.

Такова земля наша, велика и обильна, а покоя в ней нет. Не в огне ли дом твой, не угнали ли жену, не убьют ли самого в поле? Истоки нам ведомы, яруги знаемы. И ведомо, как реки мутно текут, и встает род на род, брат на брата. Он оставил позади и боры дремучие, и веси, и источники тайные. И в пути убьют, и сбережешь ли дом свой от беды? Велика земля и обильна.

И потому всегда поднимает воин благодарный взгляд к голубеющему небу перед тем, как подойти к порогу. То в крови от дедов и прадедов.

Ибо велика земля наша и обильна, а покоя в ней нет.

Всадник повернул коня к городу.

Далеко кругом синели луга, над ними, на высоком холме, зажатые между стен теснились деревянные избы, церкви, белел храм. Была жизнь.

Еще приближаясь к городскому посаду, услышал Гостята разноголосый шум. А когда, проехав высокие ворота, поскакал по узкой улочке, перезвон, перестук, крики, ругань, песни, совсем оглушили его. Тихий, опасный лесной путь был теперь позади. В низеньких избах ремесленники раскрыли двери навстречу пьяному, вешнему солнцу и оттого весь звонкий серебряный перестук мастерских и кузниц хлынул на улицу. В нем чудился свой лад.

Тут и золото-серебро выделывают, мехи раздувают. Телеги скрипят с товарами.

Шум, гам.

А стука-то...

Звенят молоточки по Руси, строятся храмы, светлые, веселые, куются чаши-братины, чтобы потом залить их золотым медом и пустить из рук в руки, звенят молоточки... И сделают красавице-лебедушке золотые подвески – да для ее ли красоты золота мало, смотрится в медное затейливое зеркальце – «есть ли меня краше?».

И товарами узорчатыми богата Русь...

Стук, звон.

Радостное и весеннее чувство, которое охватило Гостяту при въезде во Владимир было так сильно, что даже та история с убитым вирником не мешала ему. Казалось, все темные и кровавые тайны, которые прятали люди, разогнало веселое солнце. Остановившись около избы горшечника, Гостята разглядывал хитро изукрашенные кувшины и чаши, видные сквозь широко раскрытую дверь. С тех пор, как восемь лет назад князь Андрей поселился в городе Владимире, жизнь здесь изменилась. Приехали ремесленники, купцы из разных городов и даже из дальних стран. Эта кипучая деятельность кому-то нравилась, а кому-то нет. Особенно после того, как год назад Золотые ворота обрушились на людей, на празднике в их честь. Говорили, что князьки тиуны, вирники и слуги разворовали серебро, которое должно было пойти на строительство. Быть может, и Завида обвиняли в этом?

Гостята вслушивался в шумную городскую суету. Она всегда радовала его, особенно после дальней дороги. Но мысли о Завиде снова вернулись к нему. Он думал, дивно ли если муж погиб на войне, так погибали многие, и юные мужи. Тот же убитый вирник был молодой, и вряд ли кто будет плакать о нем, как говорил староста из соседней деревни. Но смерть вирника сулила много дурного людям вокруг, даже тем, на чьей земле нашли его тело. Хоть горька смерть на войне, но там ведь все понятно: и кровь, и добыча, а здесь все опутано цепью платежей и обид. Недаром говорили, что земля наша погибает от вир и продаж. Со времен Правды Ярославичей должны жители верви, села, где найдено тело, платить виру, много гривен князю, если не найдут убийцу или вора. А то и дикую виру. Да уж, придумали князья способ увеличить свое богатство. Даже мертвецов не могли оставить в покое. Потому иногда и случалось, что переносили смерды труп подальше от своего села. И начинал бедный покойник путешествовать от деревни к деревне, пока какой-нибудь тиун не остановит это движение. И еще сложнее становилось найти виновного, «гнать след». И как круги от камня, брошенного в воду, разные люди вовлекались в поиски. И вот он, Гостята, тоже оказался втянутым в эту историю. Тот человек перед смертью просил: «Помоги отроку найти вирника Завида. Пусть он узнает у Завида про клад, книгу и камень. То его наследство». Вот и поговорил с вирником. Теперь-то что делать?

Но если вирник прятал что-то ценное, может, кто-нибудь еще об этом знал? Не за это ли его и убили? Надо послушать, что люди о нем в городе говорят.

Двое прохожих подошли к соседнему дому. В одном из них Гостята узнал Даниила с вершины холма. У него был надменный взгляд. а его богатое, хоть и потрепанное корзно не

вязалось с разноцветным тряпьем, в которое был одет его низенький спутник. У того было лицо человека, много повидавшего на своем веку и не раз битого, а на губах бродила какая-то полудетская, хмельная улыбка. Он вышел на середину улицы и огляделся по сторонам.

– Эх, веселее веселого тут у нас в посаде.

– Может и так.

– Да ты смотри, Даниил, будто боярыня.

По улице медленно и гордо шла свинья с медным кольцом в носу.

– И кольцо-то как золотое.

Спутник Даниила присел на корточки, дернул ее за кольцо. Свинья остановилась и посмотрела на него, задрав пяточок. Но тут на улицу выкатилась телега, полная горшков. В ней сидел мужик, который пытался увернуться от колотушек разъяренной бабы, бежавшей за телегой. Она кричала на всю улицу, не обращая внимания на любопытных, высовывавшихся из дверей.

– Ты что, леший, за шершнем с метлой гонялся. Сказано было поднести горшки, а ты мух считаешь!

Даниил кивнул в ее сторону,

– Экая злообразная ведьма. Лучше вола ввести в дом, чем такую. Вол хоть ни слова молвит, ни зла смыслит.

Вдруг из-за изгороди выскочил козел, и прямо на воз, конь отпрянул, да на бабу, а горшки посыпались на снег. Воспользовавшись суматохой, мужик спрыгнул с телеги и убежал, словно его и не было. Со всех сторон собралась толпа – и началось: кто коня винит, кто бабу, кто мужика, а пуще все вместе козла, который недоуменно уставился на кутерьму.

– Не видать вон от того козла молока, а в городе покоя. Что, неправду говорю?

– Правду, коли не врешь. Однако ж пошли отсюда, не дошло бы до драки. В чужом пиру похмелье...

Они свернули на боковую улицу, Гостята последовал за ними. Ему хотелось еще послушать их речи. На улице неожиданно оказался тот самый мужичонка, который бежал от горшков и козла. Он уже чинно стоял около монаха с постным лицом и бормотал.

– Люди добрые, что за жизнь, куда бы уйти?

– Тоска, на Руси, тоска, – уныло подтвердил и монах.

– Ну, не знаю, кому тоска, а по мне у нас тут в городке весело. Взглянешь кругом, так любая скорбь соскочит. – заметил Местята.

– Да, не жалуемся, – согласился Даниил.

– Звонят. – Над городом поплыл то ли горький, то ли радостный звон.

– Возьми, Даниил, меня с собой...

– Пойдем, Местята, только ты свои скоморошьи ризы отряхни для князей гридницы.

Скоморох кивнул задумавшись, и когда колокола в храме зазвонили снова, заговорил:

– Да уж, окажу князю Андрею честь. Осиротели мы, Данилко. Кому теперь мы нужны?

– Помолчи старый пень. Я еще нужен.

– Дай-то Бог! Князь молодой любил тебя и был заступником. А сейчас, ну сам подумай. Друзья твои, коли чарку перед ними не поставишь, отвернутся. Да и Маринка твоя...

– Про Маринку ты зря не болтай. А князь... Изяслава я всегда любил. Только я мудрости обучен, и другие поймут.

– Ох, Данилко, смотрю я, ломала тебя жизнь, да не выучила. Спесив ты больно, не прижиться тебе здесь... Кланяться плохо умеешь. Тебе поклониться, что жениться. А старый князь – он не таков, он крут. Я сам всю жизнь на коленях, в шутах, а ведь поумней многих. Разве не про меня сказано, – не лиши хлеба нищего, мудра, и не вознеси до облак богатого несмысленного. Нищ бо мудр как золото в грязном сосуде, а богатый глуп – паволока, соломой натыкана. Без князя все мы сироты. Он заслонял. Так-то, Данилко!

– Эх, старый шут, и умен, да жизнь переломала. Так ты думаешь, меня, Даниила, просто согнуть? Да ведь мне сила дана, я слово чую.

– Что правда, то правда... Изяслав тебя не зря любил. Да только не все, кто слова и книги ценят, тебя поймут. Вот Завид, был ли он к тебе щедр? Слышал я, недавно вы повздорили и угрожали друг другу?

– Да, опять из-за книг. А ведь неизвестно, откуда он их взял и почему никому не показывает. Даже отцу Василию не только переписать, но и взглянуть на них не дал.

Тут Гостята подошел ближе и спросил:

– Услышал я от вас, люди добрые о Завиде и его книгах. Что вы о них знаете? Я купец, приехал сегодня издалека, и мне интересно, что сейчас творится в городе.

– Разное говорят, – пожал плечами Местята, – будто перекупил где-то Завид те знаменитые книги монаха Григория чудотворца, которые воры три раза пытались выкрасть у него в Киево-Печерском монастыре из кельи, да так и не смогли найти самую важную, по которой он пророчествовал. Будто из-за нее и утопил Григория юный князь Ростислав, брат Мономаха.

Завид тоже собирал книги и тоже кончил жизнь страшно, подумал Гостята, но вслух сказал:

– Пророчества Григория похожи на предсказания новгородца Богши, но почему так? Разве могли они читать одно и то же? одну и ту же книгу? И где ее написали?

– А может быть речь там шла о камне из рая, и тогда это новгородская история. Ведь по пословице, новгородцы рай искали

– А я слышал другое, – задумчиво проговорил Даниил Заточник, – что достал Завид где-то тайную книгу игумена Даниила.

– Того, что ходил паломником в Иерусалим после взятия крестоносцами? Я читал его хождение, что в нем тайного, – удивился Гостята.

– Тогда ты, наверное, помнишь, что Балдуин, король иерусалимский, любил говорить с игуменом, и не все вошло в то хождение, что писцы переписывают. Есть тайная книга игумена Даниила, и только в ней есть страницы о том, что узнал он в Святой земле о ковчеге и о чудесном камне.

– А я вот думаю, – понизив голос, прошептал Местята, – была у Завида повесть о том, что случилось у нас, в наших краях. В ней все и дело. И потому он боится показывать книги. Это ведь опасно, если там записано, как на самом деле погиб боярин Кучка рядом с городком, который Юрий Долгорукий потом назвал Москвою. Ведь Завид родом из тех мест. А в летописи о том даже отец Василий не написал, или не знал, или боялся.

Если ходят и такие слухи, подумал Гостята, Завид очень многим мешал из-за его книг, при дворе князя боярам Кучковичам или еще кому-то еще. О чем только не начнут шептаться горожане, когда узнают об убийстве Завида.

– – А мне иногда кажется, что все это сплетни, – прервал его мысли Даниил, – может и сам Завид их распускает, чтобы посмеяться над нами или набить себе цену.

– Точно никто ничего не знает, – согласился с ним Местята, – если бы был жив княжич Изяслав, может быть и удалось ему уговорить Завида продать книги. Да что говорить, если бы княжич остался жив, многое могло быть по-другому.

– Изяслава многие добром вспоминают, – кивнул Гостята.

– Что верно, то верно, – Местята вздохнул, – Сидел я тогда за чаркой и думал, чем мне грешному его помянуть. В церковь пошел, а там при его теле, все одни бояре, да дружинники, не подойдешь. Я заплакал, а мне тиун и кричит: «Пошел, смерд, тебе здесь не место». И за обиду мне стало, как вспомнил князя, жалел он меня. В душе у меня будто что вспыхнуло, и я сам не свой, на весь собор и заголосил: «Сердце мое, как лицо без очей, ум, как ворон на развалинах, мечется, и я теперь, как трава побитая, ни солнца мне нет, ни капли дождя, как дерево при дороге, что все обдирают, так и я, всеми обижаем, ведь не огражден тобой, княже...

Княже, мой господине, приди, защити обиженных, княже».

Тиун глаза-то вылупил, все расступились, кто-то из бояр меня прямо к гробу подвел и дружинник, что рядом стоял, дал вот ногату .

– Так это ж мое. Слова-то мои.

– То правда. А мы ее вместе в корчме и пропьем. А то после княжеских хором и душно ведь бывает.

– Добро.

– Возьмите еще и от меня,– и Гостята протянул скомороху ногату,– речи ваши мудры и забавны, как разноцветная паволока. Я бы дал еще кун, если бы кто -нибудь записал , что у нас делается, вот так, не по -летописному

Даниил пожал плечами и промолчал, а Местята спросил

–Уж не по-скоморошьему ли? Даниил горд, отец Василий не будет, не осмелится. А я вот иногда думаю, как веселить людей, чтобы ноги не болели?

К этой странице есть еще одно приложение на отдельном листке, откуда взял его автор , тоже пока не знаю.

И пусть тот , кто прочтет ,не поругается, писал князь Мономах, солгал, как пес, говорил друг мой Даниил , прозванный Заточник, я же не князь,и не Даниил . Я не мудр, но в ризы мудрых облачался, сапоги мудрых носил, не дано мне дара ,как у Гийома гостя, по прозванию Кийот и друга его Кретьена из города Труа, рассказать почему возникли те легенды, которые спасут мир. Но с тех пор, как стало мне от недугов людей веселить, плясать, скоморошествовать уж не так легко, осмелился я передать повесть Гийома о событиях ужасных и дивных .И я пишу нескладно и просто , чтобы дети мои и внуки . и иной кто прочтет помнили о тех людях, что искали , и как пчелы с разных цветов, собирали они мед , чтобы создать нечто совсем иное и невиданное, тот мед, которым напоит мир Кретьен из города Труа, когда придет время осуществиться пророчеству.

Некоторые говорят, что предсказания лживы и случится они могут, лишь когда начнет свинья на белку лаять, этих бедствий не будет, но я боюсь, что придут времена злые, люди будут терзать друг друга и народы иные , князья бесчестные будут губить землю

Но сказано:

Блуждали люди в поисках то ли рая разноцветного, то ли счастливой ярилой веси, то ли правды. Может это по пророчеству всех нас и спасет .

С высокого берега реки за еще заснеженными, белыми лугами виднелись леса. Они уже покрылись весенней дымкой: розовеющей, коричневатой, желтоватой. Пахло набухающими почками.

–Хорошо -то как. Разноцветный рай – он здесь, поэтому я и приехал в вашу землю. Я слышал , новгородцы бывали там и даже привезли оттуда камень,

–Новгородцы, Кийот, всем известно, красиво сказки выдумывают, еще и приврут, что слышали от своих отцов и дедов. И многим начинает казаться, так оно и было.

Кийот, с которым говорил Гостята , был младше него, человеком лет тридцати, загорелым, как паломники, долго жившие в южных странах. Он прихрамывал , опираясь на палку. Они спустились с крыльца терема и шли вдоль высокого берега Клязьмы.

–Земля полнится легендами, и они спасают.Так говорил мне мой друг Кретьен в городе Труа. И если новгородцы придумали такое , они почти также искусны, как и он. Эти подробности про веревку и камень. Первый раз я услышал о разноцветном рае от пилигрима, по вашему калики, в Иерусалиме. Калика был мал ростом , но мудр в речах.

–Уж не был ли то маленький калика, он горазд сказки сказывать.

– Наверное так вы его называете. От него я услышал историю о том, как корабли новгородцев после бури принес ветер в незнакомое место. Увидели люди разноцветные скалы и лазурные, и бордовые, и других ярких цветов. Они светились, как витражи наших соборов или новгородские иконы. За горами слышались веселые, радостные голоса. Посоветовавшись, новгородцы решили, что один из них, самый сильный пойдет туда. Но тот, поднявшись на гору, засмеялся, всплеснул руками и побежал от друзей своих. Они удивились, и послали самого смелого, договорившись, что он обязательно вернется и все расскажет. Но тот второй, тоже взобравшись на гору, рассмеялся и побежал от

них. Тогда выбрали самого умного, привязали к его ноге веревку, и третий также побежал, в радости забыв про веревку, новгородцы дернули за нее, притянули к себе и увидели, что он мертв. А в руке держит камень. Тот камень привезли они домой.

И когда приехал я в вашу землю осенью, увидел деревья красные, золотые, а потом долго лежит везде белый снег, и вдруг весна, понял я калику. Быль то или легенда, нашли новгородцы рай или придумали, но должен он быть разноцветным. Калика говорил, что храмы и палаты у вас дивно раскрашивают, что бы напомнить о нем.

– Уж не знаю, Кийот, обо всем этом тебе лучше отца Василия расспросить, а вот палаты и мед у князя правда хороши, как райские. Если хочешь все получше рассмотреть и распробовать, пойдем скорее, тут недалеко

Улица, ведущая к княжескому двору, была вымощена деревянным настилом, и даже хромавший Кийот шел быстро, но они все равно опоздали. Отрок провел их в гридницу, поклонился:

– Теперь садитесь, гости дорогие, где вам любо, и где найдете место.

Пир был столь обилен, чаши столь радостно звенели, что казалось, все сидящие за столом позабыли вдруг свои невзгоды. Полгорода созвал князь Андрей. Кийот шел с Гостятой вдоль длинного дубового стола и с изумлением разглядывал княжью гридницу. Боголюбские и владимирские умельцы отделали ее как какое чудо. Стены расписали травами, цветами, а на потолке яркое голубое небо и солнце. Будто всю красоту поднебесную хотели вместить в палату. И кого только не было за столом: дружинники, бояре, монахи, скоморохи. И все хмельные, у всех развязались языки. Кийот невольно вслушивался в их застольные речи. Вот захмелевший гуслир с седой головой, к нему наклонился молодой дружинник.

– Смотри, наш князь с монахом говорит. Ты скажи мне, у князей в дружине по одному учат, на войны ходи, полон бери, у монахов же – не убий, не стяжай. Как по правде-то жить?

– Наверное, и у вас скоро возникнут ордена воинов и монахов, тихо прошептал Кийот Гостяте. Тот покачал головой. Гуслир не ответил дружиннику, только проговорил:

– Дай-ка еще меду; хорош у князя мед.

– И тебе тоже неведомо, – дружинник наполнил чашу, – тогда хоть спой, гуслир.

– Головушка-то хмельная. Ну уж ладно.

Разгулялась по Руси непогодушка,

Пригигала к земле дубы могучие,

Взмутила реки-протоки,

Иссушила болота,

Выходили да в чисто поле три молодца,

Ты куда, говорит Илья Муромец,

А я ветер ловить, в болота запырять.

А ты куда, гой еси, добрый молодец,

А я в степь скачу, полон отпоянать.

А ты куда, гой еси, третий молодец,

Я на Русь иду, несчастных спасать,

Обиженным помогать.

Гусляр замолк. Пока он пел, тихо стало в гриднице. Но потом снова послышался громкий смех. Кийот и Гостята, наконец, нашли, где сесть. Отсюда им хорошо было видно Андрея Боголюбского. Князь молчал, он был сосредоточен, будто его гложет какая-то мысль.

– Я хочу построить храм.

– Благое дело, князь, – Думец кивнул головой.

В городах твоих много умельцев, соберем золото, серебро, построим храм пышный, богатый на удивление.

– Но я хочу построить другой храм.

Он обернулся к монаху, сидящему рядом.

– Изяслава убили, мы победили... Ты понимаешь это?

– Такова жизнь, княже... Боль и радость вместе.

– Вот и я говорю княгине: «Ведь победа – радость великая.» А она мне: «Верни мне сына». Я ей: «В его честь храм построю». А она: «Что мне в твоём храме, он Изяслава не заменит.» Вот я и хочу построить храм, чтобы, – он не договорил, задумчиво посмотрел на пирующих. – Эй, братья и дружинники! – голос князя перекрыл шум. – Я хочу построить храм. Такой храм... – Князь мучительно нахмурился. – Как сказать, слов у меня нет.

– Добро, княже.

– Построй, княже, светлый храм. – У молодого дружинника засверкали глаза. – Как вешний ветер.

– Я бы хотел, – гусляр поднял голову от чаши, – чтобы был на Руси такой храм, с горем ли, с радостью придет к нему человек, на душе светло станет.

– Чтобы тянулся он к свету, княже, к свету.

Стоявший у стены человек с почерневшим, сумрачным лицом сделал шаг к столу.

– Построй, княже, такой храм, который мог бы утишить любое горе.

– Чтобы был как облако, отраженное в талой воде, – крикнул чей-то юный голос.

– Ты слышал, – князь обернулся к думцу. – Разошли гонцов. Ищите по всей Руси мастеров. Пусть построят храм такой, как люди сказали.

Тут Гостята и Кийот заметили, что рядом с ними давно идет оживленнейшая беседа. Из-под стола вылез скоморох с безлепым, хмельным лицом и усмехнулся.

– Что ж ты Данилко про церковь-то брешешь. В него-то... ткнул пальцем вверх. – В Бога веруешь? С колдовской девкой крутишь. Али он тебя простит за кощунство? Да и девка-то бросит.

– Пьян ты, не болтай лишнего. – Даниил Заточник, который оказался их соседом за столом, вдруг задумался. – А церковь, слышишь, церковь князь за победу и по сыну ставит, будто свечку... А свечку по ушедшим зажигают, чтобы помнили, за всех нас ставят, чтобы сыны наши, правнуки помнили. И даже за деда Изяслава боярина Кучку, хоть все молчат о том, как его убили, церковь и за него стоять будет. За всю жизнь нашу... И за меня тоже та церковь стоять будет.

– Ой ли, Данилко, неужто за тебя церковь князь ставит?

– Олух ты, Местята, она и за тебя, дурня неразумного, стоять будет. И ты сгинешь и я... А церковь та за нас с тобой... Через многие года стоять будет, как свечка.

Тут только и Даниил, и Кийот с Гостятой заметили, что Местята храпит за столом, а вместо него был и непрощенный слушатель. Княжеский тиун подошел, как всегда, тихо и незаметно.

– Давно ты, смерд, не те речи держишь. И про церковь, и про боярина Кучку. Уж не ты ли был в сговоре на убийство Завида, не любил ты его. Ты-то ведь и мог исхитриться замыслить столь диковинное убийство, – он смотрел на Даниила искоса, и на губах его бродила недобрая усмешка.

Гийом тихо прошептал Гостяте:

– Все у вас тут есть- и палаты дивные, и убийства диковинные.

– Дивные и диковинные – разные слова, Кийот.

– Но почему он сказал « диковинное»?

– Пока не знаю.

А тиун, все так же глядя на Даниила, продолжал:

– И так молодой князь баловал тебя за твои не христианские байки. Кто знает, кабы не поганая стрела, не извели бы вы его своими колдовскими речами и зельями. Такой, как ты и на князя дерзнуть замыслить злое может. Знаю, что в городе шепчут, не с твоих ли слов укоряют Юрия Долгорукова, отца нашего князя в убийстве боярина Кучки, хотя известно, что погиб тот на охоте. А еще повторяют дурное злое пророчество Богши про отравление Юрия Долгорукова, и будто бы князь Андрей через то пророчество убит будет?

Даниил пожал плечами

– При чем тут я? У князя и без меня врагов много: новгородцы, да и бояр старших и братьев он изгнал. Мало кто еще?..

Тиун усмехнулся

– Берегись, Даниил. Прошли твои времена, хватит тебе именитых людей хулить, дерзкие да дурные речи на них наговаривать, да церкви за себя вместо Бога ставить. – Сказал и исчез так же внезапно, как и появился.

– Ну что ж, Местятко, чужой я на этом пиру. Спи, хорошо, что ты не слышал, душа у тебя заячья. Донесет пес, да еще и прибавит... А церковь все-таки за нас с тобой стоять будет.

Кийот огляделся и, убедившись, что тиуна уже нет рядом, тихо спросил;

– А кто убил Кучку, почему все о нем вспоминают? И кто убил или убьет князя? Что за пророчество?

Местята поднял голову:

– Видишь, Кийот нашу княгиню вон там, рядом с братьями?

– Красивая госпожа? Только взгляд у нее какой-то ...не для праздника.

– Да, еще хороша. Боярин Кучка был ее отцом. Да нет, Кийот, все это прошлые убийства, кто убил боярина, кто убил князя... Просто некоторые думают, что как створится злое, поднимается на нашей земле черный ветер, а тиун и рад все дурное слушать.

– Так кто же убил боярина Кучку? Неужели Юрий Долгорукий?

– Меня больше интересуют проблемы с финансированием и с раскопками. Нам все время кто-то мешает.

– А если это как-то связано, и началось не сейчас, и не в XII веке, а еще раньше в Кучкове, до того, как оно стало Москвой?

– Ну да, и святой Грааль по-русски...

– Зря иронизируете, друзья мои, – археолог Николай Бугров положил в папку листы с распечаткой текста, который они только что читали, и задумчиво посмотрел на Жана, историка из Франции и филолога Глеба, своих друзей еще со студенческих лет, – во всем этом что-то есть. Кстати, и рукопись таинственно исчезла. А Глеб не успел её всю отсканировать.

Они сидели на высоком крыльце сельской школы, находившейся в деревянном здании бывшей усадьбы XIX века. Сейчас, летом, здесь хранили найденную археологами керамику.

Жан пожал плечами. То, что произошло сегодня ему не очень нравилось.

– Кстати, о том, что я успел отсканировать часть рукописи, я не сказал во вчерашнем разговоре Петру, секретарю нашего спонсора.

– Что ещё за разговор?

– Немного странный. О кладе, после убийства Андрея Боголюбского, будто бы спрятанном где-то здесь Кучковичами, о других тайнах XII века – Граале, граде Китеже, точнее город-

ках, которых, по его мнению, было три... Да мало ли о чем. Мне кажется, что кроме нас лучше пока о том, что мы только что прочитали, никому не говорить. Кстати, я согласен с вашей датировкой этого текста началом XX века. Незвестный автор скорее всего погиб во время Гражданской войны. Может быть он был краеведом, собирал здесь предания, легенды, старинные книги.

– Только зачем ее украли?

– В общем, ребята, у нас проблемы. Давайте-ка лучше подумаем о них завтра, на свежую голову.

Утром Жан вышел на балкон на втором этаже школы. Когда месяц назад его друг археолог позвонил из Москвы и рассказал о краеведе из маленького городка Градонеж, нашедшем в архиве местного музея необычную рукопись исторического романа о XII веке, и о бизнесмене, предложившем финансировать раскопки там же, Жан сразу решил ехать. Всё складывалось удачно до вчерашнего дня. Он посмотрел вдаль.

Дом стоял на высоком холме. Внизу блестела речка, а справа дальше озеро. В этом простом пейзаже была странная притягательность. Он смотрел на эти холмы вдоль реки, поросшие такой нежной зеленой травой, которая бывает весной только здесь, в этой стране и думал. Наверное те, кто живут тут с детства, как-то по-особому это ощущают. Нет здесь таких ярких цветов, как на юге, но может быть есть другое. Когда Жан только приехал и впервые вот так же вышел на балкон, то почувствовал, что если не хочет, чтобы это чудное место стало ему потом постоянно сниться, он должен остаться здесь подольше и погрузиться в это дурманящее наваждение запахов трав. . Потом Глеб начал собирать фольклор, и тихая красота этого места стала обрастать легендами, преданиями. Некоторые из них странным образом были похожи на рассказы, которые Жан слышал в детстве от своей бабушки, эмигрантки из России. Да, он не ошибся, приехав сюда. Становилось все интереснее .

Жан еще постоял недолго на балконе , потом спустился и лег в мягкую траву рядом с домом у реки. Здесь было хорошо.

Это разнотравие надежды. Он лежал на берегу, было жарко, и оттого терпкий запах полевых гвоздик, сладковатый клевера и другой зелени казался пьянящим и радостным.

Клад Рюриковичей.

Все преданья о давнем проклятье...

Эти темные тайны Древней Руси сейчас представлялись увлекательной игрой.

Тем, что придает нашей нервной жизни жаркий и солнечный привкус.

Разве не было у них тогда в XII веке войн, разоренных городов, голода, мора, продаж в рабство за долги?

И среди всего этого именно в это время стали рассказывать о Граале и Китеже.

Та история начиналась ярко.

И несколько таинственных нераскрытых древних убийств.

Здесь бродят воспоминанья о какой-то великой тайне. Ею дышат деревья, и их причудливые ветки- это намек о пути к ней, а изгиб реки...эти извилистые реки- это знаки пути...

Так кто же убил Кучку?

Но вот здесь совершилось зло. Как они с этим справлялись?

Может ли красота убивать?

И где спрятаны его убийцами сокровища ?

И ему почему-то казалось, что эти древние истории связаны с тем, что происходит сейчас.

Последние дни Николай пропадал на раскопе и ночевал в школе, а Жан с Глебом жили то здесь, то в гостинице городка Градонеж, находившемся в трех километрах отсюда. Там был неплохой ресторан.

А всё же Жану больше нравилось в школе с археологами. Деревянный дом, запущенный сад, Песни под гитару, и разговоры... Жану иногда думалось, зачем люди создают легенды о

поисках таинственных городов, вроде местных преданий о трех Китежах, когда прямо здесь бывает так просто и хорошо. Если бы он и вчера остался тут, всё было бы по-иному, и он не оказался бы втянутым в эту историю с украденной рукописью.

Три дня назад он принес Владимиру ту рукопись. Жан вспомнил, что ему почему-то не хотелось отдавать её даже ненадолго, словно что-то предчувствовал. Но Владимир финансировал их экспедицию. Собственно, выделять деньги на раскопки на месте будущих зданий он и так был обязан по закону. Но ему нужны были не только раскопки. Он хотел построить здесь туристический центр под названием Китежград, и для раскрутки и рекламы своего проекта его интересовало всё, что связано с местными легендами о Третьем Китеже, Кучковичах. При строительстве он обещал сохранить все исторические и археологические памятники, не нарушать ландшафта. Выполнит ли бы он это обещание, неизвестно.. Впрочем, его конкурент по бизнесу Игорь Петров собирался строить здесь завод, так что выбора особого не было.

И снова вспомнил тот разговор .

– Неужели вместо того, чтобы отдохнуть на Лазурном берегу, Вы приехали сюда только из-за этой рукописи и бабушкиных сказок и семейных преданий про какого-то предка трубадура XII века?

Да уж, как это объяснить? Видно, разглядывая Жана, худощавого, с тонкими чертами лица, с копной волос, находившихся в художественном беспорядке, Петр не заметил в его внешности того «легкого налета бескорыстного авантюризма», который, по словам друзей, чувствовался во взгляде Жана. «Не рассказывать же в самом деле этому серьезному человеку о их легендарном предке, странствующем трубадуре XII века, побывавшем даже и на Руси. Не от него ли и его дед, и дядя, и сам Жан унаследовали этот зов в крови, это чувство, похожее на жаркий ветер, толкавший в путь? Нет, лучше всего рассказать о вполне понятном предложении своего дяди. По крайней мере, кроме всего прочего здесь речь идет и о конкретных деньгах.

– Да нет, Петр, дело в моем дяде Этьене. Он был крупным бизнесменом, и отойдя на покой, решил потратить часть своего немалого состояния на прихоти и хобби. Он вполне может себе это позволить. Но и потом, своих детей у него нет, а племянников еще двое. Вот хочется сделать дяде приятное, да и друзей моих не забыть. У него, как вы выражаетесь, «лёгкий сдвиг» на средневековых сюжетах, связанных с Граалем и с нашими семейными преданиями. Кстати, дядя Этьен считает, что этот интерес передался ему от нашего предка XII века, по имени то ли Гийом, то ли Гильом. Если бы удалось найти хоть косвенные факты, подтверждающие предание о трубадуре. А ещё лучше что-нибудь про Грааль, ну, например, что существовал некий аналог ему на Руси. И назывался Бел-горюч камнем. Дяде Этьену нравятся всякие сомнительные и смелые гипотезы, и он тогда вполне может щедро профинансировать экспедицию. Да мне и самому интересно, как историку, я как раз занимаюсь этим периодом, XII веком.

Любопытно, убедил ли Петра его рассказ. Да и кто знает, как надо разговаривать с русскими бизнесменами. Жан хоть и бывал раньше в России и говорил по-русски, такого опыта не имел. А ведь, кстати, в связи с проблемами Владимира экспедиции его друзей может очень пригодиться финансовая подпитка от дяди Жана.

Тут Жан заметил, что солнце уже поднялось высоко и припекает. Кстати, хороши друзья... Он тут о них беспокоится, всякие финансовые проекты придумывает, а они где? Ведь думали же вместе обсудить, что делать дальше. Он не так хорошо разбирается в современной русской действительности, чтобы не ляпнуть чего-нибудь лишнего. И еще они ведь собирались пойти на то место, где в прошлом году Глеб нашел берестяную грамоту, правда ее потом украли. Николай хотел заложить там раскоп.

– Вот ты где. Расслабляешься. – К Жану подошел Глеб. – Коля уже начал раскапывать у камней, пойдем посмотрим, что он там делает.

И когда они шли по тропинке вдоль берега , Глеб сказал

– На самом деле, Жан, я тогда наговорил спонсору бог знает чего. Ну мне показалось, что все средства хороши, чтобы получить сейчас финансирование. Но в прошлом году мы, действительно, поняли, что автор этого исторического романа не всё выдумал, а использовал неизвестные нам источники, утерянные рукописи, предания. И тогда многое, про что упоминается в романе, может оказаться не фантазией, а реальными фактами.

И про Бел-горюч камень, и про Третий Китеж, и про клад Кучковичей...

А ты понимаешь, что, например, даже библиотека Ивана Грозного по сравнению с кладом Кучковичей – детские игрушки?

Самые ценные найденные в России клады – домонгольские. Это и понятно, люди их прятали, а потом не смогли взять. Но самые удивительные древние сокровища оказались у Андрея Боголюбского. Помнишь, с какой выразительностью летописец описывает, как войска Андрея Боголюбского разграбили Киево-Печерский монастырь, Софию в 1169 году. И можно предположить, что в отличие от татар, которые возьмут Киев позже, князья знали, что там искать, и понимали всю ценность и сокровищ, и книг. А там были бесценные древности. В Киево-Печерском патерике описывается, как в конце XI века много книг было у инока Григория, и как варяжский клад монахи Феодор и Василий не отдали князю Мстиславу даже под пытками. Из Константинополя привозили в Киев ценности и книги и иноки греки, жившие в Киево-Печерском монастыре, и мать Владимира Мономаха, византийская принцесса. Все это оказалось у Андрея Боголюбского и в 1174 году или его убийцами, или иными, приходившими грабить, людьми было увезено, как сказано в Ипатьевской летописи «прочь». А теперь мы можем предположить, что «прочь» – это как раз сюда в Градонеж, и где-то тут находился Третий Китеж, основанный Изяславом, сыном Андрея Боголюбского.

– Только, боюсь, слишком многие стали всем этим интересоваться. Но теперь хоть можно предположить, почему рукопись украли. Кроме всего прочего там могли быть приписки на полях о каких-то средневековых источниках романа, и о том, как убийство Андрея Боголюбского, легенда о Третьем Китеже связаны с сокровищами Боголюбского.

– И с Бел-горюч камнем.

– В романе были еще предсказание о современной России и пророчество о том, что Николай II погибнет в день памяти Андрея Боголюбского. И ведь, действительно, только три правителя России погибли от рук не своих родственников, а подданных. И только убийства двоих из них – князя Андрея и Николая II – сопровождалось «мятежом великим». Разгадать бы таинственные намеки романа. И про Грааль тоже.

– Жан, а что ты говорил про своего дядю и его финансы. И о том, что если нам удастся связать эти легенды и наши поиски с Граалем, от него возможна спонсорская помощь. Сейчас было бы очень кстати.

– Между прочим, я уже Коле говорил, моя гипотеза про Грааль вполне приемлема. Впервые она пришла мне в голову, когда я ещё в студенческие годы был в фольклорной экспедиции. Легенды возникают из многих устных сказаний, потом их записывают, подобно тому, как в образе Владимира Красное солнышко смешались представления о Владимире I и Владимире Мономахе. В средневековье и фольклоре не могло быть иначе.

Их просто было много или несколько, того, что потом называли Граалем. И впоследствии совместились в одну легенду. Грааль, это не отдельный предмет, а явление, и у него есть варианты. И тогда исчезает вся эта путаница: чаша, камень... И один из них по Вольфраму фон Эшенбаху был по пути на Восток. И возможно на Руси.

– я уже запутался: и Бел-горюч камень, и Грааль, и талисман княжича Изяслава, и три Китежа.

– Ну, про два известно и из других источников, например, из старообрядческих памятников.

— Так, давай по порядку, будем искать. Начнем вот с чего. Пока Коля занимается раскопками, почитаем ещё роман, может быть поймём, как связано то, что было тогда, в XII веке, с тем, что сейчас все это творится.

И они решили перечитать начало текста в надежде понять, почему им так все интересовались.

А потом Глеб и Жан лежали на холме под соснами и смотрели, как Коля закладывает раскоп.

— Что нужно для счастья? Смотреть на текущую воду, зеленую траву и как другие работают.

— Между прочим, могли бы спуститься и помочь, это из-за вашей таинственности мы решили никому не говорить, даже студентам. А то я не стал бы копать один.

Коля отложил лопату и сел на землю рядом с раскопом.

— Что это с ним?

— Застремался я на этот холм, странный он. Культурный слой тут есть везде, но у него какая-то странная правильная округлая форма.

— А что такое застремался? — спросил Жан

— То же, что и запал.

— А запал?

— Вроде непреодолимого интереса и влечения. Кстати, у меня нет открытого листа на это место. Я официально здесь не могу раскапывать.

Глядя на археолога, Жан сказал:

— Коля, когда докопаешься до кладов Кучковичей, мы спустимся к тебе и поможем.

— Знаешь, Жан, чем черт не шутит. Может, мы сейчас что-то и найдем. Это же уникальная возможность, таких необычных ситуаций с поисками сокровищ, как сейчас в России, нет нигде в Европе. Где еще все материалы частных коллекций, которые веками хозяева никому не показывали, были после революции извлечены, собраны в местных краеведческих музеях и потом благополучно забыты. В России сейчас такое можно найти.

— Но тогда многое, что связано с этой историей о тайнах и сокровищах Кучки тоже может быть правдой, Давайте, еще раз просмотрим, что в этой рукописи было о книгах, из-за которых убили вирника?

— Они их там все ищут. Начнем с поиска книг.

Вечера стали по-весеннему теплыми. Таял снег, и в городе под ногами растеклись ручьи и хлюпала грязь. «Хорошо бы, у нас везде застилали мостовые, как в Новгороде», — думал худощавый отрок по имени Влас, осторожно ступая по деревянному настилу. В этом переулке, рядом с торговой площадью, мостовой не было, в отличие от улицы, с которой он только что свернул. Отрок дошел до перекрестка, прислонился к забору угловой усадьбы и стал разглядывать дом напротив. Перед ним тоже не было бревенчатой мостовой: если удастся туда проникнуть, то грязные следы могут остаться на лестнице, и по ним будет видно, что кто-то залезал внутрь. Впрочем, так ли уж это важно после того, что он узнал сегодня от купца Гостяты? Когда челядинец передал ему: «Гостята зовет тебя, Влас», Влас надеялся, что ему предложат книжный труд: переписывать или иное что. Но Гостята его удивил, Влас никак не ожидал услышать такое.

Купец долго расспрашивал о жизни, родителях. Жена купца, улыбаясь, сама угощала заморскими сладостями, а потом он рассказал такое (принес кусок бересты), что Влас решил проникнуть в дом Завида, пока мало кто знал о его смерти. И сейчас он заглядывал двор вирника. В отличие от двора купца Гостяты, стоявшего на высоком красивом берегу Клязьмы, дом Завида находился на бойком, но тесном месте, в узком переулке рядом с шумной торговой площадью. Торг уже кончился, лавки закрылись, и переулок был пуст, никто не проходил мимо.

И никто не входил в дом и не выходил из него. Возможно, слуги уже разбежались и никого сейчас не было. Влас помнил, что узнал о вирнике. Человеком Завид был язвительным, жил одиноко и не держал холопов, а только наемных работников. Тихо крадучись, к Власу подошел черноволосый отрок с подвижным лицом в кафтане иноземного покроя и тоже с интересом стал разглядывать дом Заивда.

– А ты не боишься, Гийом, ведь у нас вора, забравшегося в дом, можно убить прямо на месте?

– Я прибыл издалека, а тот, кто любит странствовать, не должен бояться, дороги ведь опасны. А ты, Влас? Ведь ты долго жил в монастыре.

– Совсем нет. Только очень уж хочется узнать, что мы там найдем.

– Тогда тебе не в монахи надо идти.

Власа самого удивило веселое волнение, которое он ощущал. И Гостята тоже говорил ему: «В монастыре тебя привлекает лишь книжная премудрость, а этого мало. Если ты хорошо помнишь, как твой дядя учил тебя воинскому делу

– Ты что-нибудь заметил? – спросил Гийом, – Как мы проберемся внутрь?

– По-моему, там никого нет, перелезем через забор. Рядом с ним есть сарай.

– Подожди, раз никого сейчас нет, – Гийом подошел к воротам, надавил на калитку, и она неожиданно открылась. Они вошли в просторный двор. В вечернем сумраке большой двухэтажный дом был тихим и зловещим. Крыльцо находилось сбоку, на его столбах были вырезаны загадочные звери, а, может, и бесы.

– Как ты думаешь, почему терем кажется таким мрачным? Может быть, от того, что хозяин его убит, а душа еще не успокоилась? – спросил Гийом.

– Ты что, не живых боишься, а мертвяков? – заметил Влас.

– Но ведь мы не знаем, как он умер. Когда люди так погибают, всякое случается.

Влас промолчал. Дверь и в дом оказалась лишь прикрытой, но не запертой.

– Сколько же у него вещей! И во дворе сарай, и здесь, на первом этаже, тоже кладовая.

Тут был беспорядок: валялась сломанная катка, в углу стоял старый сундук. На него набросана потрепанная одежда и порванный плащ. Рядом, на скамье, что-то светлело.

– Смотри-ка, это восковая свеча, зачем она здесь? Она же дорогая.

– Пойдем на второй этаж.

– Возьми эту ветошь, вытри ноги.

Скрип ступеней громко раздавался в тишине. Гийом перекрестился. Влас, которому тоже становилось не по себе в этом пустом, как-будто, враждебном доме, прошептал:

– Но духа-то Завида нам не нужно бояться, ведь ему должно быть известно, что мы не убийцы и не воры, и пришли забрать только то, что дал ему мой дядя на хранение.

Слабое вечернее солнце проникало в маленькое оконце, и они разглядели, что просторная горница на втором этаже отличилась от кладовой на первом. Здесь был порядок и чистота. На столе, лавках и двух сундуках в углу ничего не лежало. Они, как и дверь, не были заперты, а внутри пусты.

– Кто-то нас опередил.

– Жалко, – вздохнул Влас, – зря мы рисковали.

– Раз ничего не нашли – пойдем отсюда, – вставил Гийом, стараясь произнести фразу как можно спокойнее, но было видно, что ему хотелось поскорее уйти из этого места. Но Влас, осматриваясь и, казалось, не обращая на него внимания. Гийом понял, что его не услышали и постыдился за свою трусость, поэтому сказал первое, что пришло на ум:

– Какой здесь порядок, аккуратный был человек... – ничего в ответ, – темнеет, надо было взять внизу свечку, – снова сказал Гийом, поеживаясь.

– Что ты сказал? Верно! Пойдем-ка вниз, на первый этаж, – отозвался, наконец, Влас.

– Да там же один хлам. – возразил Гийом, но Влас уже спустился в кладовку, зажег свечку и стал разбирать ветхие вещи, накинутаые на полу сломанный сундук. Он отбросил плащ, сорочку, деревянную чашку со сломанным краем, ложку с обломанной ручкой. Гийом удивился, но принялся ему помогать. Вдруг Влас вытащил со дна сундука завернутый в старую мешковину предмет, развернул тряпку...

– Подержи-ка свечку, – обратился он к Гийому.

Это была пергаментная книга. Влас раскрыл ее, из нее выпал куски бересты, заложенные словно закладки.

– Как ты догадался? Ее и воры, что побывали до нас, не нашли!

– Думаю, Завид был не глуп. Он часто бывал в разъездах и понимал, что замки от воров не спасут. Он и не стал запирать. Оставил на видном месте, нарочно устроил здесь беспорядок. Только у аккуратного человека обычно везде порядок. И свечка дорогая здесь не проста. Но ведь верно он решил, что если залезет вор, будет открывать красивые сундуки наверху. А самое ценное-то не там.

– Да, кажется просто, но все обманулись, кроме тебя, – Гийом с интересом посмотрел на находку, – а что там?

– Тут несколько кусочков бересты, – и Влас прочитал:

«Писано это в память горькую и бедную той весны, когда убили боярина Кучку. Но мы на прежнее возвратимся, – здесь дальше оборвано, а на второй бересте другой отрывок:

«А в некоторых городах и селах, о которых сказано в сей книге, я бывал, и в тех местах схоронил я клады тайные, и свои, и те, что достались мне от боярина Кучки Степана Ивановича. И если что со мной случится лихое, то там и надо искать врагов моих. А места эти таковы:»

– Должно быть еще ... А что это за шорох? Ты слышишь, будто что упало?

Гийом не ответил, свеча внезапно потухла, Влас почувствовал сильную боль в плече, кто-то вырвал из его рук книгу. Влас резко повернулся, ударил нападавшего, тот упал, быстро поднялся, побежал. Влас погнался за ним, в темноте споткнулся обо что-то и растянулся на полу. Когда, поднявшись, выбежал во двор, там уже никого не было.

– Ты как, Гийом?

– Меня ударили сзади, я упал. А кто тебя так научил драться? – спросил его друг, одной рукой держась за затылок, другой опираясь на перила крыльца. Выходя, он прихрамывал на правую ногу, о нее-то и споткнулся Влас.

– Мой дядя, он был хорошим воином, хотя я редко его видел, – Власа самого удивило веселое возбуждение, которое он испытал во время драки. Он продолжал, – он обещал мне, когда я вырасту, рассказать, почему стал служить в дальних краях, и почему мы переехали сюда из Кучкова. Но три года назад пропал, а сейчас я узнал от Гостяты, что он погиб. Так случилось, что Гостята освободил из половецкого плена друга моего дяди, в дороге тот спас Гостяте жизнь, но сам умер, только перед смертью успел передать для меня несколько слов моего дяди. Я не все понял. Какие-то давние дела и легенды, может быть и убийство. Все это как-то связано с Кучкой, Завидом, его книгами. Но книги -то теперь у нас нет, а я надеялся что-то узнать. В этой грязи и следов не видно.

Они быстро шли по переулку к торговой площади.

– Я думаю, ты все равно все сможешь найти и понять при твоём остром уме. Как это у тебя получается? Если бы не ты, меня бы, наверное, обвинили в краже того кубка

– Когда я искал кубок, трудно было, потому что не было подозреваемых, а сейчас, наоборот, их слишком много. Кто только не интересовался книгами Завида. Разве мы сами только что не забрались в его дом? И не мы одни, – Влас вдруг остановился на углу рыночной площади перед березой, у которой из одного корня росло три ствола. Видишь это дерево? В убийстве Завида больше подозреваемых, чем у него стволов, – помнишь, когда украли кубок,

езде лежали сугробы, много и такие разные: все эти удивительные дивные снежные звери, страшилища-смотришь на извилистый ком снега на дереве, и рождается мысль...

– Так это тебе и помогает разгадывать загадки,– удивленно спросил Гийм,– потому ты и любишь собирать в лесу эти забавные изогнутые ветки и сучья? Но ты тогда, помню, еще многих людей спрашивал в разных местах. Может быть и сейчас так сделать? Я подумал, а ведь вирник тоже родом из Кучкова, как твои отец и дядя.

– Но они никогда о том времени не говорили

– Может быть об этом слышал отец Василий? Но боюсь не скажет он нам, раз и в летописи об этом не стал писать.

– Если прямо спросить, наверное, не скажет, а вот когда придет брат Лука надо завести разговор про давние времена, может они случайно и проговорятся.

Глава 2. Третий Китеж

Нечасто в последнее время бывал Лука в городе. После суеты улиц с их пестротой и шумом, старик медленно вошел в храм. Служба уже кончилась, но в церкви не было пусто. Запутавшиеся в горе, в боли, страхе люди судорожно, судорожно протягивали руки к строгим и глубоким глазам, глядящим со стен.

Старик поставил свечку и пошел к выходу. У церковных дверей толпились калеки и нищие. Две старухи пытались успокоить простоволосую женщину, которая закрыв лицо руками, горячечно шептала.

– Нет, не троньте меня, не троньте. Туга давит, криком тут стоит, – она схватилась рукой за горло, – по земле везде течет, разве вы не слышите, земля кричит.

Высокий, худой человек подошел к ней и попросил Луку..

– Помоги ей, отче.

– Бог в помощь тебе, дочь моя. Иди домой, милая, и Бог даст тебе покоя.

Старик благословил ее и как ребенка погладил по голове. Женщина вдруг замолчала, поклонилась ему и, тихонько всхлипывая, пошла от церкви. Высокий человек протянул вслед ей левую руку и оттого стало видно, что правой у него нет.

– Владыка Феодор мужа ее заточил, а жито их приказал пожечь. А Завид еще и дикую виру с их села взял. Ребеночек-то у нее с голоду и помер. Так у них горело, зарево было на все село. Вот забыть она и не может..Вирник вроде по закону виру присудил, но ведь вправду говорят, где закон, там и обид много. А ты слышал, Завида на дороге убили, теперь начнут всех вокруг мучить. еще и не того схватят, обид -то от Завида было много.

– Но уж вряд ли эта несчастная, что плакала, могла кому-то ответить. Не такие убивают.А Завид это тот вирник, у которого шрам на левой щеке?– задумчиво проговорил Лука , вспомнив встречу с Гостятой у ручья.

– Он самый, -проговорил подошедший к ним звонарь, краснощекий, курносый отрок с широко раскрытыми, будто удивленными глазами. – Я слышал про Завида, что раньше до того , как стал вирником, он был другим- книжником, учил детей боярских в Переяславле. Со многими так бывает, ведь и Феодор, когда князь поставил его владыкой, изменился. А потом Завид стал служить Никите переяславскому, чья жена, когда варила суп ,увидела в котле ,как руки ноги и головы варятся. Никита после того видения ушел в монастырь в затвор, а Завид к нам сюда перебрался.

– И каким он стал здесь?

– Ну , насчет вареных рук и ног -не знаю, а как он кричал на слуг- слышал. Я работал у его соседки , Агафьи, ту про которую Даниил говорит «зло зла злее жена зла, всех укоряет и всех осуждает». Приказала она мне забор передвинуть. Что тут началось! Стали они друг за другом следить, друг на друга наговаривать, и мне досталось, и до владыки Феодора дошло, Чем бы все кончилось, не знаю, если бы Завида не убили.А может потому и убили? Может быть хотел Завид откупиться, от Феодора , но не то подарил и не угодил. И слуги его причастны

– Отчего, скажи, отче, тут у нас такое творится, что произошло с епископом?– тихо проговорил подошедший к ним звонарь, краснощекий, курносый отрок с широко раскрытыми, будто удивленными глазами. – Люди-то по разному думают. Может ищет владыка что тайное, клад какой? А кто говорит, по вере ревнует?

Однорукий пожал плечами.

– Тут что-то не так. Из-за веры не убивают. Истинная вера – она ясная. Много я на свете повидал и скажу тебе, отрок, тот, кто чисто верит, казнить не будет. За ним люди и так пойдут,

с радостью. А мучают из-за чего-нибудь простенького. Из-за добытка, серебра, – Так я говорю, отче?

– Истинно это, по доброй вере, и добрые дела. А коли дела злы, то и вера несправедна. Что ж это за лихо у нас в городе? Опять Феодор. А ведь речист муж. Слышал я, как он владыку Леона упрел.

Краснощекий звонарь улыбнулся.

– Ну уж тот и придумал. Мясо по господским праздникам не есть. А теперь горше того стало. Владыка-то Феодор кого в работу кабалит, у кого оружие, коней отнимает.

– Это еще что, – лицо однорукого злобно оживилось. – Многого ты не ведаешь у себя в лесу, отче. Не только простецов, но и монахов, и игуменов и всякий люд немилостиво казнит. И все из-за имения, имения не сыт, как ад.

– И я слышал, – звонарь заговорил шепотом. – Дурное люди говорят. Будто построен терем его на проклятом месте. Стоны там из-под земли слышатся.

Старик строго взглянул на них.

– А не наговариваете ли вы оба на владыку? Он у вас будто второй Сатанаил.

Однорукий ухмыльнулся.

– Ты в своей благости да в лесной тиши, может, и не ведаешь, отче. Да у нас в городе вон смотреть тошно, сколько безбородых. Но кому он бороду порезал, хоть стыдно, да все ж не девки, вырастет, а уж у кого очи выжег или язык вырвал...

Тут звонарь дернул его за левую руку.

– Тише ты.

Мимо них проезжали бояре, дружинники в червленых корзнах, оксамите, позвякивали тяжелые золотые гривны. Стоявшие у церкви люди в лохмотьях попятнулись от этого блеска.

А к Луке подошел отрок в богатом корзно и обратился к нему, указывая на юную княжну, скакавшую впереди бояр рядом с матерью.

– Позволь спросить отче, что ты знаешь про племянницу князя Андрея?

Лука внимательно и пристально посмотрел на юношу. У того был смелый и задиристый взгляд. Даже чересчур смелый, чувствовалась за ним то ли боль, то ли обида.

– Да, девица эта красавицей будет.

Действительно, казалось, в лице княжны Евфросиньи властная и какая-то жесткая красота ее матери Ольги Юрьевны соединялась со страстной натурой отца Ярослава, прозванного Осмомыслом. И это придавало ее взгляду изменчивость и задумчивость.

Отрок же, приехавший с боярином по поручению вдовы князя Святослава Ольговича, раньше редко выходил в город из палат боярина. Ходили слухи, что он его племянник, приехал поучиться посольскому ремеслу. А что ты устался на княжну?

Плохо тебе удастся играть свою роль опять подумал Лука, но вслух сказал другое

– Говорят, что как и твой боярин, приехала княгиня просить заступничества у брата Андрея. Только дело боярина простое, а вот просьба сестры ему может не понравиться. Зачем ему осуждать Осмомысла за любовницу, когда и у самого в семье не все в порядке...

– Думается мне, лучше, когда князь жене верен, – сказал отрок

– По словам и по взгляду вижу, что не родственник ты боярину, не племянник, как он всем рассказывает.

– Ну, раз ты догадался, то и мне самому надоело скрывать это, как говорится, «Что мы не князья, что ли»

Только князь -то ты сейчас без княжества, подумал Лука, потому у тебя отрок и такой взгляд,

– А почему ты таил, что из младших Святославичей

— Что скрывать, из-за нее, из-за Предславы-Евфросиньи. Понял я, что не дадут мне с ней видиться, если откроется, что я тот самый княжич Игорь, отцу которого Святославу друг его Юрий Долгорукий пообещал внучку в жены для сына. Только теперь-то все по-другому.

Да, невеста твоя бывшая уже не про тебя писана, подумал Лука. Про эту историю судачили много, даже и сюда во Владимир дошли слухи. Когда князь Святослав умер внезапно, вдова княгиня сидела, как напишут в летописи «в изумлении», но все же догадалась взять клятву с епископа, только не помогло, он все равно сослался с другими князьями, и в результате младшие ее сыновья Святославичи лишились княжеских столов, что были им раньше обещаны. Как говорит Даниил Заточник «Не лгал мне Ростислав князь, лучше мне смерть, чем Курское княжение, так и мужу, лучше смерть, чем жизнь в нищете.» Только княжичу Игорю даже нищего курского княжества теперь не досталось, Отец его дружил с Юрием Долгоруким, и еще давно сговорились они поженить в будущем малых детей. Но князь Юрий уже умер, или, как поговаривают, был отравлен. А боярин Святослава хотел напомнить о той дружбе и просил князя Андрея Юрьевича вмешаться. Но только зря. Не отдаст за него княгиня Ольга Юрьевна дочь могущественного князя, ведь сестры Евфросиньи уже были отданы за королей польского и венгерского.

Заметив, как сочувственно смотрит на него Лука, Игорь понял, что многие уже знают про его судьбу. Когда он упросил боярина взять его с собой, он хотел увидеть свою невесту, потому что он ее почти ненавидел за тот отказ, которого все ожидали. Кажется, ему хотелось высказать этой спесивой, как он думал, княжне свою злость. Но случилось все совсем по-другому.

Кем были те разбойники, которые напали на обоз княгини Ольги Юрьевны, они так и не узнали. Игорь кинулся в схватку как всегда безрассудно, но это и решило исход дела. Так вот они впервые встретились. И когда он увидел ее испуганные глаза, все изменилось. Заметив, как они смотрят друг на друга, боярин посоветовал Игорю не говорить княгине, кто он. И княгиня разрешила своим спасителям сопровождать их.

Он мог иногда видиться и разговаривать с Евфросиньей по дороге во Владимир. Плохо, что теперь была задета не только его гордость.

Ему было тяжело, когда он не слышал ее голоса. Как иногда для кого-то пение в церкви или прикосновение к святой иконе, так для него один голос этой обыкновенной по сути девушки изгонял печаль. Не то, чтобы вся тяжесть и боль кругом исчезали, нет, но все наполнялось какой-то легкостью, как запах первых весенних листьев, беспричинной и истинной. Хотелось смеяться, нет — улыбаться. Наверное, когда так любят женщины, им снится, что они летают.

Он же не мог быть в каменных палатах, в городе, он все время скакал по полям на коне, бродил по лесу. И тогда однажды он узнал как жгло ее воспоминание о нем, об их первой встрече...

Сейчас он надеялся, что никто не заметил его переживаний, так как наконец появился князь Андрей, скакавший рядом со своей княгиней Улитой, и все глаза обратились на них.

А однорукий вдруг выступил вперед из толпы, неотрывно глядя на княгиню. У нее было бледное, еще прекрасное лицо. Но губы ее были жестко сжаты, черные брови приподняты в каком-то изломе. Чудилось в этой красоте что-то сосредоточенное и затаенное. Она вдруг остановилась перед одноруким.

— Мне знакомо твое лицо.

— Да, княгиня, я был смердом твоего отца, а потом вот, видишь, монастырский холоп, да нищий.

Княгиня кинула ему монету и быстро поскакала дальше. Но князь, уже проехавший вперед, вернулся и посмотрел прямо на однорукого.

— О чем речь держал с княгиней?

— Милостыню она мне подала и про руку спросила.

Князю показалось, что он увидел, как глаза однорукого вспыхнули будто адским огнем. Но нет, наверное, почудилось, взгляд холопа снова был безучастным. Князь отвернулся, и поскакал вслед за княгиней.

– Так ты и вторую руку не убережешь, – звонарь покачал головой.

– Может и так. Однако вспомнила наша княгиня про своего отца боярина Кучку. Ради того и второй руки потерять не жалко. Грешное то было дело, да неправое. Может, оно не раз еще отзовется. Многое с ним связано. Завида убили, а ведь он из тех краев И мужа-то ее, князя Андрея, видать, мучают черные мысли.

– И тебе тоже почудилось? – звонарь снова заговорил шепотом. – Слушайте. Расскажу я вам. Шел я однажды ночью мимо церкви и вижу что-то будто светится, я подошел к двери, она приоткрыта, а там князь, один, зажег свечу, и смотрит, смотрит на лики. А на глазах у него слезы, так и текут. Что это было с ним, отче?

Старик задумчиво промолвил.

– «И разрасталась ненависть, и дети в своей судьбе несли ее.»

– Это так в твоих книгах, отче?

– И в книгах и вокруг нас, сын мой.

К ним шел Даниил.

– Что с ним створилось, – спросил их однорукий. Шаги Даниила были резкими, голова высоко поднята так, словно он никого не замечает. За ним еле поспевал Местята, боязливо оглядываясь по сторонам.

– Будь здоров, Даниил. Как тебе Бог помогает?

– Твоими молитвами, отче.

– Куда ж ты так скоро?

– Да уж, отче, коли у нас в городе каждый день будут убивать по два добрых человека, то и впрямь всем жить лучше будет. А уж если воспретить песни петь, какие кому любо, так и благолепие настанет. Прежде чем учить другого, научи сначала себя. Знаю я одну светлую заповедь, не буди жесток. Сегодня я к князю пойду. Но завтра и князь, коли заповедь преступит... – он сжал губы, а потом громко, словно не замечал людей вокруг продолжал. – А владыка Феодор, помяни мое слово, погибнет память его с шумом. А ну пойдем. – И стремительно зашагал дальше, а вслед за ним засеменил Местята.

– Вот уж чей язык многим хочется укоротить. Раньше Изяслав его любил, и никто тронуть не смел, а теперь...

– А куда это он пошел?

– Слышал я, будто владыке Феодору почудилось, что про Богородицу не так поют, да девки в хороводе, и скоморохи – все не то. А он скор на расправу. Да только на каждый роток не накинешь платок, всем языки-то не вырвешь. А Даниила, сами знаете, более всего злит, когда кому рот затыкают. Вот видно он и поспешил к князю Андрею. Князь ведь сам скоморохов и песенников жалует.

– Однако князь не в духе. Предупредить бы Даниила, отче.

– Пусть идет. У отца Василия бывают калики. Слышал я их пение. По правде его путь, Бог в помощь ему на доброе дело. Да и не остановишь его. А вот коли той, что сегодня так плакала у церкви, не станет легче, приведи ее ко мне. Может Бог даст успокоить хоть ненадолго ее горе.

Однорукий кивнул:

– Видать этой дорожке, отче, по которой жены к тебе со слезами ходят, не зарости. Не почудилось ли вам сегодня, что может и княгине нашей того же надобно?

Звонарь досадливо покачал головой.

– Опять ты. Ох язык-то у тебя.

Старик прервал их.

– Пора уж мне идти, дети мои, ждут меня. Бог в помощь вам. Да оградит он нас от всякого зла.

С соборной площади по узким городским улочкам Лука дошел до ворот. За городскими деревянными стенами тянулись посадские избы, окруженные огородами и садами. Справа на холме у реки возвышалась просторная большая изба, оттуда доносились смех и песни. То была корчма. Старик свернул влево, где у леса виднелась деревянная церковь. Посадские люди, жившие здесь в избах, ютившихся между корчмой и церковью, испытывали гордость и почтение и к тому, и к другому и говаривали заезжим гостям и ремесленникам: «Приходите к нам, кому надо ума-разума набраться, у нас корчма – всем корчмам корчма, а церковь – всем церквям церковь». На самом деле церквушка была небольшой, с высоким крыльцом. Ее окружали кельи, к некоторым вплотную подходил лес. Одна из них была выше других, в два этажа, будто терем. Старик подошел к ней, поднялся в верхнюю келию, просторную и светлую. В стене, со стороны посада и реки было оконце. Из него далеко видно посад, корчму, реку, а рядом сбоку – деревянное крыльцо церкви с раскидистой елью около него. Откуда-то слышалось пение. Все казалось здесь спокойным и несуетным. У окна на лавке сидел монах с двумя отроками, Власом и Гийомом. Перед ними на ларе лежала большая книга. Монах обрадовался старику:

– Редко же ты заходишь к нам, брате.

– Прости меня, Василий. Но боюсь я оставлять ее одну. Тревожное у нее сердечко, так и мечется. Приходил бы ты ко мне.

Он сел на лавку.

– Приду, и с отроками. Давно я хочу, чтобы они увидели житие твое тихое и безмятежное.

– Что мое житие перед твоим трудом, расскажи мне, брате, про твой летописец.

Отец Василий покачал головой.

– Груб мой разум... Часто приходит ко мне страх, брате, что не смогу я жизнь нашу поведать истинно. Рука моя тяжела, но я знаю, если удастся мне найти слово, то, единственное. – Он вздохнул и в его спокойном лице появилось что-то тревожное. – Если бы... Вот и сейчас. Помнишь ли, как о давних летах, о Ярославе и Мстиславе дивно сказано: «И уста уособица и мятеж, и бысть тишина велика в земле русской.» И хочу я написать о годах наших тоже. «В лето 6672 тишина бысть» Сейчас и болгар победили, половцы редко приходят, а все же... Как думаешь ты. Правда ли это? Мнится мне прошло же то смятение великое, когда Изяслав Мстиславич и Георгий, отец нашего князя, ходили бранью друг на друга. Да ты ведь лучше меня о том знаешь, ты тогда бывал и в Киеве, и в Чернигове.

– Да, я помню, великий мятеж был и в земле, и в умах, и сердцах наших. Села горели, города. Горько было от града к граду, от веси к веси идти. Соберут князья внезапно рать, стоит себе городок малый, и вдруг... Страшно видеть христиан убиваемых, жен оскверняемых. Будто бы нет у человека дома, негде преклонить ему главу. Иное увидел я, чем раньше... И всё же приоткрылось мне, что есть тайна, которую я своим грубым умом не могу постичь. Ведь среди всего этого создается на земле «неизбывное» – храм, песня или, город чудный. И вспомнилось, рассказывал мне как-то Ростислав, воин из младшей дружины, как однажды княжич Изяслав вместо того, чтобы пойти по приказу отца на соседних князей воевать и жечь их города, остановился и основал городок малый. «Не по душе мне этот путь, – сказал он Ростиславу, – да уж, если ненависть, то её баюкают, словно ребенка, у груди держат. Глаза от неё слепыми становятся. Подожди меня тут».

Лука замолчал, вспоминая, а Гийом вдруг спросил:

– Отче, прости, что перебиваю, но ты говоришь о том самом городе, который люди потом прозвали Третьим Китежем? И ты встречал человека по имени Ростислав, который видел, как все произошло? И это не сказка, как тайный замок Мосальвеш? Мне очень важно это знать. А где же он этот городок?

– Найти тот городок нелегко,-задумчиво проговорил Влас_- даже имя его скрывают. Кто говорит, что называют его просто Городец, Градонеж, а кто-то, что, любя сказку про Соломона и дивья зверя Китовраса, назвал княжич Изяслав его Китежем.

– Помню я, будто бы слышал тогда в юности, говорят, что заложил Изяслав даже два городка, недалеко от еще одного, что основал его дед, Юрий Долгорукий, большой градостроитель.

– Было это в тот год, когда послушался Изяслав отца и не пошел в поход на соседних князей. А иные сказывают, что имена у тех городков: Китеж, Малый Китеж. И Третий Китеж. В одном из них будто бы спрятан дивный камень, что носил на гривне Изяслав. И будто бы там сейчас и живет новгородец Богша, что предсказал беду и скорбь великую.

–Некоторые говорят, что из-за пророчества Богши и город построили,что бы было , где спрятать что-то дивное и важное, когда придут злые времена

–И я о том слышал, и хочу доискаться до правды. Говорил Богша, что если люди поймут то, что произойдет через десять лет, в год 6682 , , только тогда найдут, где путь правды, а где лихо. Не будут княжить сыновья и внуки Андрея, а коли придёт к князю смерть в летний день от рук меньших людей, в такой же день та же злая гибель ждет последнего князя нашей земли через много веков. И будет великий мятеж. Там еще было о беде, что придет не через сотни, а через десятки лет . И реки потекут кровью. Тогда-то по молодости я не верил, а теперь...

– Как это было, когда Изяслав основал тот городок. Наверное совсем по-другому, чем у князя Юрия?

И Гийом вдруг представил, слушая Луку, что почувствовал княжич Изяслав тогда. Воин видел., как поднялся Изяслав на холм, что около озера, и лёг в траву.

Жить на этой земле людям бывало горько и больно. Мягкие её травы знали вкус и слёз, и крови. Когда их сжимали беспомощными пальцами, когда опускал человек в них горячее лицо своё, потому что нигде больше не находил помощи. Изяслав закрыл глаза. Травы знали обман, они болели, горели от ненависти. И всё же, когда человек приходил к ним, они доверчиво протягивали ему свои прохладные стебли, и когда он, как слепой шёл по лесу, он нащупывал рукой ствол дерева, прижимался к нему лбом... Земля умела любить, она знала, как прощают. Изяслав поднялся из дурманящего цветочного разнотравья.

– Не по душе мне этот путь. Вместо того, чтобы воевать, разрушать, срубим-ка мы лучше здесь городок малый. Место тут дивное. И назовем его как-нибудь сказочно, например, Китеж.

– Кажется, дед твой Юрий уже основал такой город.

– Сколько он их создал. Может и не один. А этот я построю.

На другой год князь Андрей послал на тех князей своего воеводу, пожег он их землю. А потом погиб от ран Изяслав , но городок тот остался.

–И верили люди пророчествам новгородца Богши, потому что и раньше бывали лихие времена, началось это еще при отцах и дедах наших. В то время дошло нестроение и до церкви божией. В Киеве князь Изяслав хотел поставить митрополитом не грека, а Климента Смолятича. Дивный брат сей мог потонку толковать Божественное писание, и от Омира, и от Аристотеля. Князь захотел ставить его не от патриарха, а собором русских епископов. И встала пря и среди владык. Нифонт новгородский отказался служить с Климентом, – старик вздохнул. Влас растерянно посмотрел на Луку кроткими и убежденными глазами.

– Дозволь спросить, отче, разве не для того уходят от мира, от этого многомятежного жития, чтобы обрести тихое пристанище, где нет страстей и злобы, и разве ни чем выше сан, тем святее должны быть мысли и дела отцов наших, откуда же эта гордыня и борьба за мирскую славу?

Отец Василий улыбнулся.

– Видишь, брат мой, чисты душой мои отроки. Когда, господь призовет меня, будет кому продолжить мой летописец. Ответь же ему.

– Говорят в миру, не помогут тебе ризы белые, не спасут тебя ризы черные. Когда-то и я с отцом Василием думал, что если тиха моя келья, если шумят над ней только деревья, то минуют ее страсти света сего. Но и к нам с ним стучится боль людская, и мнится мне не открыть ей сердце – великий грех. И скажу я тебе еще, сын мой, что подчас иногда бывает, чем выше палата, тем больше мучают грехи человека, будь он и в княжьих одеждах, и в митрополичьем клобуке. Да вот митрополит Константин, – не слышал ли ты о нем?

– Нет, отче.

– Велика тайна его смерти, до сих пор по-разному гадают о ней люди. Преставился он в Чернигове и, умирая, наказал епископу после смерти не погребать его тело, а извлечь за ноги из города и кинуть псам на съедение. И так створили, и все люди, увидев то, дивились, пока князь не велел похоронить его у Святого Спаса.

Оба отрока удивленно смотрели на монахов.

– Как же растолковать это, отче? Неужели черные грехи его мучили? И какие? Самого митрополита?

– Велика тайна сия. Вот и я до сих пор не знаю, что и думать. Или был я в великом монастыре Киево-Печерском. Где уж больше святости, есть там великие постники и братья, что годами из пещер не выходят, да о том вы, верно, знаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.